

И. Н. Сухих

ОТКРЫТИЯ НЕКРАСОВА — ОТКРЫТИЕ НЕКРАСОВА

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намёк,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

О. Мандельштам

Его первую книгу беспощадно оценил Белинский. (Еще не зная, что окончит жизнь сотрудником его журнала.)

«Конечно, и в лишенных поэтической жизни стихотворениях тотчас можно отличить в авторе человека-фразера, наклепывающего на себя разные ощущения, чувства и мысли, которых в нем и не было, и нет, и не будет, от человека с душой, но обманывающегося в своем призвании. Однако в том и в другом случае итог для поэзии и для славы автора один и тот же — нуль. <...> Посредственность в стихах нестерпима. Вот мысли, на которые навели нас “Мечты и звуки” г. Н. Н.»¹.

Вместо лирики он занялся литературной поденщиной: писал стихотворные фельетоны и водевили, повести и рассказы, книжные и театральные рецензии, азбуки и сказки, редактировал альманахи, даже начал (но так и не окончил) роман «Жизнь и приключения Тихона Тростникова» (от него отпочковался очерк «Петербургские углы»).

«Господи! Сколько я работал! Уму непостижимо, сколько я работал, полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург»² — сказано в одной

¹ Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. М., 1978. С. 372–373.

² Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 13. Кн. 2. СПб., 1997. С. 59. Далее ссылки на это и здание даются в тексте с указанием тома и страницы.

мемуарной заметке. В другой уточнено: «Я как-то недавно рас-
считал, что мною исписано всего журнальной работы до 300 печатных
листов» (13, 2, 48).

Наверное, без этой циклопической работы не появился бы редактор
лучших русских журналов XIX века.

Через пять лет как поэт он начинает сначала — и получает совсем
иную оценку того же авторитетного для него человека. «Я сблизился
с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около
1844 г. стихотворение “Родина”, написано было только начало. Белин-
ский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще
зарождение слов и мыслей, которые получили свое развитие в даль-
нейших моих стихах. Он убеждал продолжать» (13, 2, 48).

Однако и дальше все шло *медленно и неправильно*. Сборник стихот-
ворений *настоящего Некрасова* выходит только в 1856 году³. Читает
и оценивает поэта уже следующее поколение.

Сборник состоял из четырех разделов. Один был сформирован
по жанровому принципу (поэма «Саша»). Три других представляли
разные лики некрасовской поэзии: открывателя крестьянской те-
мы, певца народа («В деревне», «Забытая деревня», «Огородник»,
«Школьник»), сатирика, вообще, комического поэта («Нравственный
человек», «Филантроп», «Современная ода») и психолога, исследова-
теля мучительной любовной драмы («Тяжелый крест остался ей на до-
лю...», «Мы с тобой бестолковые люди...», «Если, мучимый страстью
мятежной...»).

Открывался сборник «Поэтом и гражданином». Уже здесь, в автор-
ском осмыслении, самоописании, была представлена главная коллизия
некрасовской лирики, ставшая предметом критических споров.

В начале диалога Гражданин — полемически — цитирует Пушкина:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв —

однако предлагая Поэту иную роль: «Проснись: громи пороки
смело» (2, 6).

Поэт в конце концов сомневается и соглашается, предлагая краткое
описание своих тем, своего — принципиально отличного от Пушкина —
художественного мира:

³ См.: Некрасов Н. А. Стихотворения. 1956. М., 1987 (Серия «Литературные
памятники»).

Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!

(2, 11).

Любопытно, что в этом раннем программном тексте был предсказан спор у могилы Некрасова, о котором позднее расскажут Достоевский и Плеханов.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!..

Гражданин

Ну, нет!
Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. <...>
Нет, ты не Пушкин.

(2, 7).

Из трех представленных в первой настоящей книге Некрасова лирических ипостасей наиболее востребованной оказалась первая. Именно такой Некрасов — *певец народа, печальник народного го-ря* — оказался востребован современниками. Причем под народом и он, и его читатели разумели деревенского мужика, крестьянина-работника. Некрасов не понял бы чеховского «Все мы народ», тем более позднейшего «Интеллигенция была моим народом, была моей, какой бы ни была...» (Б. Слуцкий).

Некрасов открыл русский крестьянский мир, куда поэты предшествующих эпох (Пушкин, Лермонтов, даже Кольцов) заглядывали редко и смотрели на него со стороны, преувеличивая и идеализируя. Еще недавно П. Анненков утверждал, что деревня вряд ли доступна

художественному изображению: «...Естественный быт вряд ли может быть воспроизведен чисто, верно и с поэзией, ему присущей, в установленных формах нынешнего искусства, выработанных с другой целью и при других поводах. <...> Какой вид будет иметь свежая, оригинальная форма простонародного рассказа, мы не знаем»⁴.

Такая *свежая и оригинальная форма* явилась, причем неожиданно — в стихах. Голос поэта переплетался, сливался, с голосами разнообразных его персонажей (Некрасов, пожалуй, больше всех современников и предшественников обращался к *ролевой лирике*).

Это открытие надолго заставило забыть о Некрасове-язвительном сатирике и Некрасове-психологе, невольном сопернике Тютчева («папаевский цикл» против «денисьевского цикла»).

Главный конфликт некрасовской поэзии обозначили уже первые рецензенты сборника 1856 года. Близкий к реальной критике С. Дудышкин, эстет А. Дружинин, органический критик А. Григорьев замечают примерно одно и то же.

«Не из одного временного и дидактического элемента состоит его поэзия. Есть в ней и свободное творчество, и всесторонность создания, есть в ней то, что делает поэта и дает ему жизнь в будущих поколениях» (Дружинин).

«Мы собрали факты из воспоминаний и из книжки г. Некрасова, чтобы показать, что у него постоянно идут, или, лучше сказать, шли до последнего времени, рядом, два направления: одно, в котором есть и непосредственное чувство, и одушевление, и поэзия, и лиризм — остаток прежнего поэтического мотива, прежней поэтической теории. Здесь он делается поэтом, насколько теория, проникнутая симпатией к народу, может сделать поэтом человека, не имеющего художнического таланта. Тут у него есть и сила негодования, и теплота увлечения. Но рядом с этим направлением у него идет другое, в котором господствует теория, мертвая, холодная — и, грустнее всего, несправедливая. Вторая теория служит уже абстракту народа, а не народу» (Дудышкин).

«Было время, и не так еще давно было, когда я, сочувствуя всем сердцем поэзии Некрасова, положительно ненавидел влияние этой поэзии на эстетическое, умственное и нравственное развитие молодого поколения, хотя очень хорошо сознавал, что не сама она, не поэзия виновата, а поэт, слепо к ней относящийся, и преимущественно его яростные поклонники. Ведь одной поэзии желчи, негодования и скорби слишком мало для души человеческой» (Григорьев).

Поэзия дидактическая против поэзии свободной, отвлеченная мысль против чувства, теория против души человеческой — с этой

---

⁴ Анненков П. В. Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Анненков П. В. Критические очерки. СПб., 2000. С. 98.

ключевой оппозицией были связаны многолетние критические споры о некрасовской поэзии.

К сожалению, в них по разным причинам не смогли принять участие некоторые крупнейшие фигуры эпохи.

Едва ли не самое развернутое суждение — подробный план возможной критической статьи о *другом Некрасове* — принадлежало человеку, которого сегодня принято упрекать в отсутствии поэтического чувства, публицистичности и просто бездарности.

«Такого поэта, как Вы, у нас еще не было. Пушкин, Лермонтов, Кольцов, как лирики, не могут идти в сравнение с Вами. <...>

...Я сам по опыту знаю, что убеждения не составляют еще всего в жизни, — потребности сердца существуют, и в жизни сердца истинное горе или истинная радость для каждого из нас. Это и я знаю по опыту, знаю лучше других. Убеждения занимают наш ум только тогда, когда отдыхает сердце от своего горя или радости. Скажу даже, что лично для меня личные мои дела имеют более значения, нежели все мировые вопросы, — не от мировых вопросов люди топятя, стреляются, делаются пьяницами, — я испытал это и знаю, что поэзия сердца имеет такие <же> права, как и поэзия мысли, — лично для меня первая привлекательнее последней, и потому, например, лично на меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденцією.

“Когда из мрака заблужденья...”

“Давно отвергнутый тобою...”

“Я посетил твое кладбище...”

“Ах, ты, страсть, роковая, бесплодная...”

и т. п. буквально заставляют меня рыдать, чего не в состоянии сделать никакая тенденция» (Чернышевский — Некрасову, 5 ноября 1856 г.)⁵.

На фоне кислых оценок Дудышкина или Григорьева, беспощадности Тургенева, правда, тоже в письмах («...Г-н Некрасов — поэт с натугой и штучками; пробовал я на днях перечесть его собрание стихотворений... Нет! Поэзия и не ночевала тут — и бросил я в угол это жеваное папье-маше с поливкой из острой водки» (Я. П. Полонскому, 13/25 января 1868 г.⁶)), мнение Чернышевского выглядело вызовом.

«Мне хотелось бы много поговорить о Ваших стихотворениях — не с политической, а с поэтической точки зрения», — признавался критик.

Не успел.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. М., 1949. С. 322.

⁶ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т 7. М.; Л., 1964. С. 30.

Вообще, прижизненная критика о поэте оказалась скудна и довольно однообразна. Разгадывать Некрасова пришлось уже не современникам, а ближайшим потомкам.

Впрочем, в своем поэтическом таланте и своей главной теме всю жизнь сомневался и сам Некрасов. Это тоже было одной из его постоянных лирических тем.

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой своей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

(«Скоро стану добычею тленья...»,
876; 3, 76)

Когда, за несколько месяцев до смерти поэта, это было напечатано, появился Адрес, видимо, написанный каким-то восторженным студентом, но опубликованный только через 45 лет (Книга и революция, 1921): «Прочли мы твои “Последние песни”, дорогой наш, любимый Николай Алексеевич, и защемило у нас сердце: тяжело читать про твои страдания, неумогу услышать твое сомнение: “Да и некому будет жалеть...”»

Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям.

Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья.

Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и возрастит семена всей душой тебя любящая учащаяся молодежь русская» (цит. по: 3, 474–475).

Его боготворили народники. Г. Плеханов назвал его *поэтом разnochинцев*. (Позднее эту формулу Маяковский перенесет на Чехова.) На многолюднейших похоронах (30 декабря 1877 г.) речь Достоевского, сравнившего покойного с Пушкиным и Лермонтовым, прервалась криком: «Выше, выше их».

Смерть поэта всегда вызывает дополнительный интерес к нему и предлагает (но уже далеко не всегда) новые ракурсы рассмотрения — уже с точки зрения итога.

Лучше всех о Некрасове в дни прощания сказал во многом близкий к нему Достоевский: *загадочный человек; никогда не заживавшая рана его; великое чутье его сердца подсказало ему скорбь народную.*

Однако Достоевский спорил с прозвучавшим у могилы возгласом «выше Пушкина». В его взгляде на современника было два важных ограничения: «Пушкин, по обширности и глубине своего русского гения, до сих пор есть как солнце над всем нашим русским интеллигентным мировоззрением. Он великий и непонятый еще предвозвеститель. Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним, малая планета, но вышедшая из этого же великого солнца»; «Некрасов же, несмотря на замечательный, чрезвычайно сильный ум свой, был лишен, однако, серьезного образования, по крайней мере, образование его было небольшое. Из известных влияний он не выходил во всю жизнь, да и не имел сил выйти».

Легко заметить, что Достоевского интересует *не поэтика, а поэт*. Важный сдвиг, возвращение от личности поэта к поэтике связан с именем С. А. Андреевского, по основной профессии адвоката, но по совместительству — замечательного критика. Его статью позднее Б. М. Эйхенбаум позднее назовет «одной из самых умных в некрасовской литературе».

Пафос статьи Андреевского не был панегирическим. В финале статьи, он, еще в большей степени, чем Достоевский, отказывает Некрасову в подлинном величии: «...Мы думаем, что Некрасов не великий, но замечательный, самобытный поэт вообще и поэт народной скорби в особенности; но более всего Некрасов — это неотразимо яркое, незабвенное имя в истории нашей гражданственности». По ходу дела он высказывает и другие упреки: в прозаичности стиха, дешевых звуковых впечатлениях.

Но важно, что критик, как тремя десятилетиями раньше предполагал Чернышевский, говорит о творчестве поэта «*не с политической, а с поэтической точки зрения*», причем рассматривает его как целостную систему: объединяет поэмы и лирику, лирику гражданскую и личную, тематику и формальные свойства стиха («*виртуозность автора в рифме*»).

«Лирические стихотворения Некрасова отличаются тою особенностью, что за которое бы из них вы ни взялись, вы в нем найдете одного только Некрасова, — не широкую индивидуальность поэта, не то “я”, которым многие поэты начинают свои стихотворения с общего голоса всего человечества, но именно — одного только Некрасова с исключительными чертами его жизни и личности».

«Но во всех стихотворениях, в которых Некрасов говорит о своей миссии, есть несомненная поэзия. В них прежде всего — полная гармония между формой и содержанием. Все они написаны плавным, выразительным, отделанным стихом. <...> И он бывал в этих песнях очень силен, очень красноречив; они помогали его делу, увеличивали число его союзников и поклонников. Из них можно было бы составить целый кодекс тенденциозной поэзии, самую сильную ее защиту. Почти все эти стихотворения заучивались наизусть, почти все они прекрасны».

Модернистов в советскую эпоху упрекали в забвении традиций русской литературы. Между тем они (не все, но многие) сделали прямо противоположное: перечитали предшествующую классику, установили или пересмотрели многие репутации, которые наследовал XX век. Некрасов, как ни странно, был в числе поэтических героев модернистской эпохи.

В 1919 году К. Чуковский, увлеченный Некрасовым, предложил знакомым литераторам анкету. «Любите ли Вы стихи Некрасова?» — первый ее вопрос. Любящие оказались в большинстве. Положительно, часто восторженно ответили Ахматова, Блок, Волошин, З. Гиппиус, Гумилев, Ф. Сологуб и примкнувший к ним И. Репин («Какая певучесть! Какой стиль — некрасовский русский язык»).

Среди нелюбителей-модернистов оказались Вяч. Иванов и Кузмин, к ним добавились Горький, Замятин, Пильняк, новые советские авторы (Н. Асеев, Н. Тихонов).

Но главное, конечно, не в формальных признаниях. К этому времени уже были написаны ключевые для нового восприятия Некрасова работы: «Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого» М. Волошина (1902), «Некрасов как поэт города» В. Брюсова (1912), «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» Д. Мережковского (1915, книга объемом в 120 страниц, фактически — монография), несколько статей В. Розанова (1902, 1903, 1916, 1917).

Следующим шагом в изучении Некрасова стали работы формалистов Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума.

Главным исследователем, пропагандистом, издателем поэта на десятилетия оказывается все-таки Корней Чуковский. Между его ранними штудиями («Некрасов как художник», 1921; «Поэт и палач», 1922) и итоговой фундаментальной книгой «Мастерство Некрасова» (первое издание — 1952; Ленинская премия — 1961) — огромная дистанция, причем раннесоветские работы оказываются оригинальнее и важнее, чем увенчанная монография⁷.

⁷ См.: Сухих И. Н. Корней Чуковский: полвека с Некрасовым // Сухих И. Н. От... и до... Книга вторая. СПб., 2021. С. 312–323.

Эволюция Чуковского-исследователя Некрасова демонстрирует общую тенденцию. Обратное движение от спецификаторской *поэтики* к безразмерному и неопределенному *мастерству* было характерным для советского литературоведения нескольких десятилетий. Поэт, как и другие «революционные демократы», пожалуй, больше всего пострадал от *вульгарного* и просто социологизма. Возвращение к более сложному представлению о Некрасове происходит лишь с середины 1960 годов (работы Б. О. Кормана, Н. Н. Скатова, Л. Я. Гинзбург).

Советская эпоха окончательно врезала Некрасова в поэтический канон, сделала его школьным автором. «Генерал Топтыгин», «Крестьянские дети», «Кому на Руси жить хорошо» есть в обязательной программе и в любом учебнике.

Народа, о котором и для которого он писал, давно нет. Но «Коробейников» и «Средь высоких хлебов затерялся...» еще поют.

В 1986-м, а затем еще в 2016–2017 и 2021 годах московская библиотека имени Н. А. Некрасова (Некрасовка) повторила (с вариациями) анкету Чуковского (URL: <https://anketa.nekrasovka.ru>). Среди современных литераторов разных поколений и направлений поклонников поэта оказалось, пожалуй, больше, чем среди современников Чуковского, а уровень оценок ожидаемо возрос.

«Он загадочен и таинственен, как каждый гениальный поэт (Д. Самойлов). — «Некрасова не минуешь. В России было три поэта, после каждого из которых поэзия развивалась уже не так, как прежде. В том числе с точки зрения стиха. Это — Пушкин, Некрасов, Маяковский» (К. Ваншенкин). — «Русскую поэзию можно разделить на «донекрасовский» и «посленекрасовский» периоды» (О. Седакова). — «Пока будет русская поэзия, в ней будет и “Некрасов Коля, сын покойного Алеши”» (Н. Богомолов).

В какой степени профессиональный взгляд соотносится с гласом нынешнего «народа» — вопрос открытый.

Вопреки поздней репутации (богач-картежник — и демократ-народолобец?) не так много в нашей литературе писателей так упорно бывших в одну точку — писателей *трагического склада* и *морального беспокойства*. *Гений уныния* (К. Чуковский) больше всего в этом отношении родственен ровеснику, *жестокому таланту* (Н. Михайловский о Достоевском).

Недаром загнанная клячонка, которую столь же несчастный хозяин-погонщик бьет поленом «по плачущим, кротким глазам» («О погоде»), сначала явилась в сне-кошмаре Раскольникова, а потом — в монологе Ивана Карамазова: «У нас историческое, непосредственное и ближайшее наслаждение истязанием битья. У Некрасова есть стихи...»

Читать Некрасова подряд — тяжело. Не на *точку зрения стиха* тут обращаешь внимание.

Администрация — берет
И очень скупо выпускает,
Плутократия — дерет
И ничего не возвращает.
По приглашению властей
Дворяне ловят демагогов;
Крестьяне от земли, кормилицы своей,
Бегут, под бременем налогов,
И пропиваются вконец по кабакам,
И пьяным по колено море...
Да будет стыдно нам! да будет стыдно нам
За их невежество и горе!..

(3, 221)

Стихотворение называется «Что нового?». Написано, по предположениям, в середине 1870-х годов, когда власть (да и сами мужики) с увлечением охотились на пошедших в народ студентов. Автограф не сохранился. Впервые обнародовано в 1913-м, а в собрание сочинений и вовсе включено только в 1920-м.

Сколько лет и эпох прошло?

Кажется, эти споры отшумели и через столетие новый поэт спокойно соединит, кажется, несоединимое.

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.
Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

(В. Соколов, 1960)

